

Х. Момджян

О значении труда товарища Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ в развитии марксистско-ленинской философии *

Вековая история марксизма, марксистской науки есть история величайших открытий, смелого проникновения в тайны природы, общественной жизни и человеческого мышления, великолепная по своей динамичности картина переходов от одних истин к истинам более глубоким и плодотворным.

Год тому назад с появлением гениальных работ товарища Сталина по вопросам языкознания мы стали свидетелями нового взлета марксистско-ленинской мысли, новых изумительных по глубине мысли и революционной действенности открытий в области марксистско-ленинской науки.

Работы товарища Сталина о языкознании не только разбили антинаучные, идеалистические и метафизические лингвистические вымыслы Марра и его школы, не только знаменовали рождение основ стройной, последовательной и цельной марксистско-ленинской науки о языке, но они знаменовали также дальнейшее развитие самой марксистско-ленинской философии, диалектического и исторического материализма.

Вот почему выход этих работ не мог не оказаться событием огромной, первостепенной важности в идейной жизни нашей партии, советской интеллигенции, всего советского народа.

Новые философские обобщения, содержащиеся в трудах товарища Сталина по вопросам языкознания, оказались действенным оружием для пересмотра ряда устаревших положений в различных научных дисциплинах, для освещения многих трудных и запутанных научных проблем, для постановки и решения новых, актуальных задач не только в области лингвистики, но и в области философии, права, истории, литературоведения, эстетики, естественных наук.

Десятки миллионов людей в нашей стране, членов партии и беспартийных, работников физического и умственного труда, с огромным воодушевлением взялись за изучение новых работ товарища Сталина, чтобы повысить свой идейно-теоретический уровень, вооружиться новыми знаниями, идейно и политически закалить себя в той напряженной борьбе, которую они ведут за сокращение сроков перехода от социализма к коммунизму.

Все передовые силы мира почерпнули из трудов товарища Сталина по языкознанию бесценные истины, которые сделают их много сильнее в

* Доклад, прочитанный на общем собрании Академии Наук Арм. ССР 20 июня 1951 г.

той борьбе, которую они ведут за мир, демократию и социализм, помогут им в разоблачении реакционных, человеконенавистнических вымыслов «ученых» холопов умирающего капитализма.

Ни в одну эпоху истории передовым идеям не суждено было охватить столь многомиллионные массы и стать материальной силой такого огромного революционного напряжения, как в нашу эпоху, в эпоху Ленина и Сталина, в век побеждающего коммунизма.

В борьбе против врагов марксизма товарищ Сталин с наибольшей полнотой раскрыл мобилизующую, вдохновляющую и организующую роль передовых идей в поступательном развитии человеческого общества. Работа товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» является новой, убедительнейшей иллюстрацией к характеристике созидательной роли передовых идей и учений. Она призвана идейно укрепить передовое человечество в его борьбе против сил обезумевших империалистических хищников и их разбойничьей идеологии, стимулировать восхождение человеческого общества на новую высшую ступень.

1.

Труд товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» нанес сокрушительный удар по фальсификаторам и вульгаризаторам марксизма-ленинизма, оградил идейный арсенал нашей партии от того реакционного, идеалистического, метафизического и механистического хлама, который пытались туда внести Марр и его ученики.

В новом своем труде товарищ Сталин отстоял ряд марксистских истин, под которые усиленно подкапывались путаники и ополщители марксизма.

Но если бы мы ограничились сказанным, то были бы далеки от правильного понимания значения последней работы товарища Сталина. Она не только отстояла ряд принципиальных положений марксистско-ленинской теории от фальсификаторских усилий марристов, но и развила и обогатила эту теорию, внесла в сокровищницу марксизма новый, бесценный вклад.

Остановимся вкратце на характеристике того нового, что внесено товарищем Сталиным в диалектический и исторический материализм.

Марксистский философский материализм возник и развивался в непримиримой борьбе против всех разновидностей идеализма. Классики марксизма-ленинизма наносили смертельные удары по всем новым перевоплощениям идеализма, своевременно раскрывали реакционную суть всех новых, модных идеалистических течений, показывали научную несостоятельность и фидеистскую природу так называемого физического, физиологического, математического и прочих разновидностей идеализма.

За последние десятилетия значительного развития в буржуазном мире достигла новая форма «обоснования» старого идеалистического хлама. Мы имеем в виду так называемое семантическое направление в современной буржуазной философии, которое можно было бы условно назвать лингвистическим идеализмом. Представители этого направления

Уайтхед и другие пытаются «обосновать» идеализм на основе грубейшей фальсификации основных лингвистических категорий и в первую очередь на основе коренного извращения подлинных связей между мышлением и языком.

Лингвистический идеализм пытается оторвать мышление от языка, а оба вместе—от условий материальной жизни, представить мышление как «чистый акт», как субстанциональное начало, автономное от всех общественных и природных материальных норм.

Не останавливаясь на гносеологических, физиологических и психологических ухищрениях семантиков, отметим, что все их умопомрачительные схоластические построения и софистические приемы преследуют весьма ощутительные, земные, реакционные политические цели. Все семантические философско-лингвистические фокусы в конце концов завершаются обоснованием «необходимости» мирового господства английского языка, или иными словами «обоснованием» необходимости порабощения всего мира «высшей» англо-сакской расой. Вот почему реакционные правящие круги США и Англии проявляют столь покровительственное отношение к семантическому идеализму, а пресса империалистических хищников провозглашает его последним словом философии.

Невозможно утаить ту истину, что марровское учение о языке явно смыкалось с лингвистическим идеализмом, искажая подлинные связи мышления и языка с историей общества, отрывая мышление от языка, утверждая возможность существования мышления, свободного от «природной материи» языка, от «норм природы».

В своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин камня на камне не оставил от лингвистического идеализма и его марровской разновидности. На большом фактическом материале он разоблачил антинаучность исходного принципа лингвистического идеализма: отрыв мышления и языка от истории общества, от условий материальной жизни людей.

«Язык,—пишет товарищ Сталин,—относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка».¹

В свете этого материалистического подхода к языку рухнули домыслы Марра о труд-магической основе происхождения языка, его типично натурфилософские измышления о метафизических, неизменных в своей основе, не связанных с конкретно-исторической действительностью четырех элементах.

Учение об этих пресловутых элементах, неуловимых и непознавае-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 18.

мых, как кантовские ноумены, как гены морганистов-менделистов, вносило густую струю агностицизма в лингвистику. Оно по духу своему исключало закономерный характер развития языка и противоречило возможности целенаправленного языкового строительства.

Работа товарища Сталина теоретически развенчала также другой исходный принцип лингвистического идеализма—отрыв мышления от языка—и углубила диалектико-материалистическое понимание мышления, его специфической особенности. И действительно, до недавнего еще времени, говоря о взаимосвязи мышления и языка, обычно подчеркивалась невозможность существования языка вне и независимо от мышления. Товарищ Сталин со всей резкостью подчеркнул другую сторону этого вопроса, а именно невозможность существования самого мышления без языка. Мысль не может возникнуть раньше и независимо от своего языкового выражения. Мысль и ее словесное выражение есть конкретная форма диалектического единства содержания и формы. И подобно тому, как не может быть содержания без формы, точно также не может быть оголенной, чистой мысли без языкового материала, без языковой оболочки.

«Какие бы мысли,—пишет товарищ Сталин,—ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи»—не существует. «Язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка».¹

Сталинское определение роли языка в мышлении имеет важнейшее значение для диалектико-материалистической теории познания. Оно кладет конец попыткам изучения процесса отражения мыслью внешней объективной действительности в отрыве от языковых факторов, в отрыве от истории и теории языка.

Из раскрытой товарищем Сталиным истины о невозможности существования мысли без языкового оформления вытекает ряд принципиальных, чрезвычайно важных для нашей практической деятельности выводов.

На самом деле, если мышление и язык суть диалектическое единство содержания и формы, а форма, как учит диалектический материализм, есть начало активное, обратно воздействующее на развитие содержания, то отсюда следует также, что язык как форма обнаружения мысли не только определяется мыслью, но и активно влияет на мысль, способен сделать ее более глубокой и отчетливой.

Товарищ Сталин в следующих словах охарактеризовал активную природу языка, ее роль в развитии мышления: «Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мыш-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

ление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время».¹

Неоспоримо, что грамматика, являющаяся результатом многовековой, абстрагирующей деятельности мышления, показателем его огромных достижений, сама обратно влияла и влияет на развитие мышления, совершенствуется, углубляет и отшлифовывает его.

В свете сказанного становится ясным как глубоко заблуждался Марр, когда провозглашал грамматику «пустой формальностью» и легкомысленно шельмовал людей, считавших грамматический строй основой языка, формалистами.

Таким образом, товарищ Сталин не только вскрыл неопределимое значение языка для обмена мыслями между людьми, без чего невозможно существование общественного производства, существование самого общества, но показал также активное воздействие языка на мышление. В результате, старая испытанная истина о том, что ясность мысли является условием ясности языка, дополняется не менее важной истиной, а именно: совершенство языка, будучи выражением совершенства мышления и породивших мышление общественных материальных условий жизни, само активно воздействует на мысль и содействует ее глубине, отчетливости, стройности, гибкости.

Учение о неразрывной и глубокой взаимосвязи и взаимодействии между мышлением и языком помогает нам основательнее и многостороннее понимать огромные усилия партии и Советского государства, направленные на сохранение чистоты языка, его неуклонного развития и совершенствования.

В свете учения товарища Сталина о невозможности существования мышления без языка обнаруживается идеалистическая суть, полная вздорность утверждений Марра о том, что будто бы с поступательным развитием мышления оно якобы обнаруживает стремления избавиться от звукового языка, как от оков.

В действительности развитие мышления приводит не к смещению языка, а к его большему развитию и усовершенствованию, что в свою очередь содействует развитию и усовершенствованию мышления.

Подводя некоторый итог сказанному, мы должны отметить, что работа товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» на основе разгрома лингвистического идеализма развила, обогатила и конкретизировала марксистский философский материализм, теорию познания диалектического материализма и, в частности, диалекто-материалистическое понимание природы самого мышления.

2.

Гениальный труд товарища Сталина обогатил также диалектический метод, наши понятия о всеобщих диалектических закономерностях. В настоящем докладе мы в состоянии остановиться в этой связи на одном

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 40.

лишь вопросе, на вопросе о том новом, что внесено товарищем Сталиным в понимание закона перехода количественных изменений в новое качество.

В нашей философской литературе достаточно широко был распространен взгляд, согласно которому переход количественных изменений в новое качество при всех случаях мыслился через скачок, отождествляемый со взрывом, с полной гибелью старого качества при возникновении нового.

Работа товарища Сталина внесла существенные коррективы в наше понимание третьей черты диалектики, в понимание закона о переходе количественных изменений в новое качество.

Раскрыв всю несостоятельность марровской теории стадийного развития языка, исходящего из признания внезапных взрывов в истории развития языка, товарищ Сталин со всей исчерпывающей убедительностью показал, что в истории развития языка переход от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем отмирания старого качества.

• Обобщая это положение, товарищ Сталин учит, что внезапными взрывами при переходе количественных изменений в новое качество нельзя объяснить не только развитие языка, но и развитие многих других общественных явлений, что не исключает, однако, того, что переход ряда других явлений из одного качественного состояния в другое невозможен без взрыва, без коренного уничтожения старого качества в возможно минимальные отрезки времени.

«Вобщем нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами,—пишет товарищ Сталин,—что закон перехода от старого качества к новому путем взрыва неприменим не только к истории развития языка,—он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка».¹

В каких же случаях неизбежен взрыв при возникновении нового качества? Товарищ Сталин указывает, что взрыв обязателен для обществ, которые разделены на антагонистические, враждебные классы. Так, невозможен переход от капитализма к социализму без взрыва, без насильственного ниспровержения и уничтожения капиталистического базиса и его надстройки.

Приведенные выше указания товарища Сталина имеют огромное теоретическое и практическое значение в деле правильного понимания закономерностей социалистического общества, его перехода к коммунизму. В нашем социалистическом обществе, где нет враждебных классов, скачки, революции в общественном развитии не могут принять характер взрыва. Переход от буржуазного индивидуального-крестьянско-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. „Правда“, 1950, стр. 24.

го строя к социалистическому строю был настоящей революцией, которая, однако, не приняла и не могла принять характер взрыва, путем свержения существующей власти и создания новой власти, потому что эта революция была совершена сверху при поддержке основных масс крестьянства.

По аналогичным причинам разрешение существующих в социалистическом обществе противоположностей, как то: противоположность между физическим и умственным трудом, между городом и деревней и т. п. не может принять характера взрыва. В преодолении названных противоположностей кровно заинтересованы как работники физического, так и умственного труда, как трудящиеся города, так и трудящиеся деревни.

Точно также переход от социализма к коммунизму есть мирный, постепенный процесс; восхождение от низшей фазы коммунизма к высшей осуществляется путем постепенного накопления элементов нового качества, путем максимального укрепления принципов социализма, путем неукоснительного соблюдения принципа социалистического распределения.

Таким образом, в свете нового труда товарища Сталина становится совершенно ясным недопустимость абсолютизации закона перехода от старого качества к новому путем взрыва. Этот закон неприменим не только к обществам, свободным от деления на антагонистические классы, не только к истории развития языка, но, видимо, ко многим явлениям природы.

Огромной важности указания товарища Сталина о необходимости дифференцированного понимания закона перехода количественных изменений в качественные кладут конец механическому, некритическому применению понятия взрыва ко всем без исключения явлениям общественной жизни и природы, избавляют общественные и естественные науки от возможных грубых ошибок и промахов.

В своем новом труде товарищ Сталин не только рассеял ошибочные толкования закона перехода количественных изменений в новое качество, но и неправильное применение закона единства и борьбы противоположностей. Он подверг критике тех, кто из факта ожесточенной борьбы враждебных классов в классово-антагонистическом обществе приходили к ошибочному выводу о распаде этого общества на экономически друг от друга не связанные классы, а отсюда заключали о невозможности единого для общества языка и спешили провозгласить существование классовых языков. Товарищ Сталин показал всю глубину заблуждения тех, кто воспринимает «противоположность интересов буржуазии и пролетариата, их ожесточенную классовую борьбу, как распад общества, как разрыв всяких связей между враждебными классами».¹ В действительности нарастающая борьба между антагонистическими классами приводит не к распаду связей между антагонистическими классами данного общества, а завершается гибелью реакционного, отжившего свой век класса и по-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 15.

бедой другого класса, который является носителем более прогрессивного способа производства.

Эти сталинские положения дают основание глубже и правильное понять закон единства и борьбы противоположностей, предохраняют нас от неверного, поверхностного толкования само по себе правильного положения диалектического материализма, согласно которому борьба противоположностей является абсолютной, а их единство—относительным. Остановимся вкратце на этом вопросе.

Всякому явлению свойственны внутренние противоположности, борьба которых и составляет внутреннее содержание процесса развития. Борьба антагонистических противоположностей идет по линии нарастающего обострения, но до окончательного исчезновения данного явления, данного единства, до перехода его в новое качество, в новое внутренне раздвоенное единство, не уничтожается взаимопроникновение противоположностей, не происходит распад их единства. Распад этого единства совпадает с уничтожением обеих противоположностей. Так, с гибелью капиталистического общества погибает не только буржуазия, но и пролетариат перестает существовать, как пролетариат, т. е. как общественный класс, лишенный всех орудий и средств производства, вынужденный продавать свою рабочую силу, становиться объектом капиталистической эксплуатации.

Мы исчерпали крайне неполную констатацию того нового, что внесено последним трудом товарища Сталина в марксистский философский материализм и в марксистский диалектический метод, и переходим к характеристике значения гениальной работы нашего великого учителя в развитии исторического материализма.

3.

В новой своей работе товарищ Сталин дал четкие определения таких основных категорий исторического материализма, как производство, базис и надстройка, сформулировал их отличительные особенности, их сущность, их специфику, вскрыл характер существующих между ними отношений.

Товарищ Сталин нанес новый удар по вульгарному социологизму, которому свойственна антимарксистская попытка выведения надстройки: политических, правовых и иных взглядов и соответствующих им учреждений непосредственно из производства.

«Надстройка,—учит товарищ Сталин,—не связана непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе».¹

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 8.

Отсюда следует вся научная несостоятельность попыток выведения особенностей тех или иных надстроечных явлений, скажем, литературы, искусства, философии, религии, нравственности и т. п. непосредственно из уровня развития производства, из состояния техники. Разве заслуживают серьезной критики те литературоведческие, с позволения сказать, труды, в которых делается попытка вывести сущность творчества Пушкина или Лермонтова непосредственно из состояния производительных сил России первых десятилетий XIX века, из количества и способов выплавки чугуна, добычи каменного угля, из количества вывезенного хлеба или пеньки, отвлекаясь от производственных отношений, от классовых отношений, от политико-правового режима, существовавших в России названной эпохи, от противооборствующих политических, художественных, философских, религиозных, нравственных идей и течений.

Вульгарно-социологическое выведение надстройки непосредственно из производства неотделимо от игнорирования ее социально-политической, классовой сущности, ее служебной роли по отношению к базису и ведет прямой дорогой к буржуазному объективизму, к аполитизму и беспартийности.

Неоценимо значение нового труда товарища Сталина в раскрытии подлинных связей между базисом и надстройкой, в развитии марксистско-ленинского учения в этом краеугольном положении исторического материализма.

Развивая и уточняя марксистско-ленинское учение о базисе и надстройке, товарищ Сталин дает свое классическое определение:

«Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка—это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения».¹

Это определение дает возможность четко разграничить, во-первых, производство от базиса и, во-вторых, базис от надстройки, не забывая, конечно, их неразрывное, органическое единство.

Само собой разумеется, что производство или иначе исторически определенный уровень развития производительных сил неотделимы от соответствующих производственных отношений, совокупность которых (производственных отношений) и составляет экономический строй данного общества, его базис.

Возникновение и изменение надстройки обусловлено возникновением и развитием базиса.

«Всякий базис,—учит товарищ Сталин,—имеет свою, соответствующую ему надстройку. Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения, капиталистический базис имеет свою надстройку, социалистический—свою. Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 3.

ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка».¹

В чем отличительные особенности надстройки? Мы подошли к вопросу, разрешение которого в труде товарища Сталина знаменует новую ступень в развитии исторического материализма.

Скажем предварительно, что в нашей философско-пропагандистской литературе существовала немалая путаница в понимании особенностей базиса и надстройки. Некоторые товарищи деление явлений на базисные и надстроечные были склонны понимать в том смысле, что, дескать, к базису относятся явления материальные, а к надстройке—духовные и что если, например, язык относится к духовной культуре, то он не может не быть надстройкой.

В тесной связи с этим заблуждением находилось другое. Полагали, что всякое общественное явление обязательно должно относиться или к базису или к надстройке. И поскольку язык также является общественным явлением, то спешили найти ему место или в области базиса или же в области надстройки и по вышеприведенным ошибочным соображениям его размещали в надстройке.

Наконец, примитивно разделяя базисные и надстроечные явления, как явления материальные и духовные, часто заключали, что надстройка не больше, чем отражение явлений базиса в сознании людей, упуская при этом из виду вопрос об активном обратном воздействии надстройки на базис.

«Марксизм и вопросы языкознания» товарища Сталина не только опрокидывает эти заблуждения, но как мы уже отметили, развивает дальше марксистско-ленинское учение о базисе и надстройке и в особенности о последней.

Характеризуя надстройку, товарищ Сталин в первую очередь подчеркивает вопрос об активной служебной роли надстройки по отношению к своему базису.

«Надстройка,—учит он,—для того и создается базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой. Стоит только отказаться надстройке от этой ее служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиций активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла свое качество и перестала быть надстройкой».²

Таким образом, то, что характеризует надстройку в классовом обществе, это ее классовая сущность, ее пристрастное отношение к своему базису, ее непримиримая враждебность к классу-антагонисту, к чужому базису, к чужой надстройке.

Она обслуживает свой базис в ущерб другому базису, а, следова-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 3.

² Там же, стр. 5.

тельно, и другой надстройке. Надстройка и нейтральность—взаимоисключающие понятия. В классово-антагонистическом обществе надстройка служит не обществу в целом, а определенной его части, определенным классам. В социалистическом обществе, где нет враждебных классов, надстройка обслуживает социалистическое общество и ведет непримиримую борьбу против капиталистического окружения, против капиталистической надстройки.

Таким образом, товарищ Сталин вооружил нас безошибочным критерием надстройки—это ее классовый характер, ее служебная роль по отношению к своему базису, ее непримиримость к другому базису и к другой надстройке. Стоило только применить этот критерий к языку, чтобы стал совершенно ясным ненадстроечный характер языка.

«Язык для того и существует, он для того и создан, чтобы служить обществу, как целому, в качестве орудия общения людей, чтобы он был общим для членов общества и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от их классового положения».¹

Служебная по отношению к своему базису роль надстройки предопределяет неизбежность ее гибели с гибелью ее базиса. «Надстройка,—указывает товарищ Сталин,—есть продукт одной эпохи, в течение которой живет и действует данный экономический базис».² Надстройка не может пережить свой базис. Как надстройка, она не может быть использована новым базисом, что не исключает того, что наиболее исторически прогрессивное, содержавшееся в погибшей надстройке, в литературе, искусстве, философии и т. п., в критически преобразованном виде наследуется новой надстройкой.

В заключительной части нашего доклада мы желаем специально остановиться на вопросе об активном обратном влиянии надстройки на свой базис, проиллюстрировать указание товарища Сталина о том, что, появившись на свет, надстройка «становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы».³ Мы попытаемся раскрыть всю глубину этого указания нашего вождя на примере социалистической надстройки.

4.

Открыв великую научную истину, согласно которой общественное бытие, материальные условия жизни порождают и направляют общественное сознание, Маркс и Энгельс никогда не ставили под сомнение обратное активное воздействие общественного сознания на общественное бытие, были далеки от мысли отрицать активное воздействие надстройки на базис. Напротив, во всех своих теоретических работах и в качестве вождей революционного пролетариата, в качестве руководителей I Интер-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 6.

² Там же, стр. 6.

³ Там же, стр. 4—5.

национала, они подчеркивали роль передовых идей и революционных организаций, роль сознания и воли в историческом процессе.

Философия марксизма возникла и развивалась в непримиримой борьбе не только против субъективно-идеалистического понимания истории, которое, игнорируя материальные условия жизни, превращало волю и сознание отдельных людей в творцов истории, в решающие пружины общественного развития, но и против фаталистических взглядов на общественную жизнь, согласно которым воля и сознание людей имеют столько же значения в водовороте общественных событий, сколько значения могут иметь «воля» и «сознание» песчинки, уносимой ураганом.

Учение Маркса и Энгельса об активном обратном воздействии надстройки на базис, об условиях, делающих возможным сознательное и целеустремленное воздействие на ход общественного развития, было до основания искажено и опопшлено оппортунистами из II Интернационала. Непомерное раздувание и абсолютизация «экономического фактора», принижение роли надстройки, политики, политической борьбы, революционной теории и революционной партии нового типа нашли свое неприкрытое выражение в пресловутых теориях «стихийности» и «производительных сил», занимавших особое место в идеологическом арсенале международного и русского меньшевизма. Трудно переоценить деморализующую роль этих «теорий». В грозовой обстановке империализма, требовавшей от рабочего класса мобилизации всех сил, ясного сознания, максимальной организованности и спаянности, непреклонной воли и революционной энергии, все эти оппортунистические измышления об автоматическом переходе капитализма в социализм в силу простого экономического развития, отрицание и принижение роли всех элементов социалистической надстройки, словословия в честь стихийности и самотека были настоящим дурманом для революционного класса.

В беспощадной борьбе против всех разновидностей оппортунизма великие вожди большевизма Ленин и Сталин восстановили революционный марксизм и подняли его на новую ступень соответственно новым условиям эпохи империализма. Соответственно задачам эпохи, когда назрели все экономические предпосылки уничтожения капитализма, когда субъективный фактор приобрел огромную решающую роль, Ленин и Сталин во всей своей теоретической и практической деятельности уделили исключительное внимание вопросу о роли социалистической надстройки, о роли революционной идеологии, революционной партии, диктатуры пролетариата в уничтожении капиталистического базиса и капиталистической надстройки и в победе социалистического базиса.

Труд товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», содержащиеся в нем определения сущности и роли надстройки составляют последнее слово, вершину марксистско-ленинской мысли по данному вопросу. Они дают возможность раскрыть значение нашей социалистической надстройки как величайшей активной силы, ее особенностей, ее несравненного превосходства над всеми предшествовавшими надстройками.

Никогда еще, ни одна надстройка не была так гармонично и нераз-

рывно связана со своим базисом, не играла такой исключительной роли в его оформлении и торжестве, как социалистическая надстройка. Достаточно отметить, что ряд важнейших элементов будущей социалистической надстройки возникает раньше социалистического базиса, социалистической экономики и является решающей предпосылкой победы социалистического базиса. И действительно, внутренняя противоречивость капиталистического способа производства, неразрешимое в условиях капитализма противоречие между растущим общественным характером производства и частной формой присвоения, наличие рядом с буржуазией его могильщика—пролетариата—являются той социальной основой, на которой складывается революционная марксистская теория, коммунистическая партия, первые зародыши социалистической литературы и искусства, пролетарская нравственность и т. п., призванные вести беспощадную борьбу против капиталистического базиса, капиталистической надстройки и подготовить победу социалистического базиса. Известно также, что без наличия диктатуры пролетариата, советского государства исключается возможность создания самой социалистической экономики.

Чем объяснить эту исключительную роль социалистической надстройки в судьбах социалистического базиса? Ответ на этот вопрос нужно искать в специфических особенностях возникновения и развития социалистической формации, в их принципиальных различиях от закономерностей возникновения и развития предыдущих социализму обществ. И действительно, если предшествовавшие социализму общественные формации—рабовладельческая, феодальная, капиталистическая—складывались в недрах предшествовавшего им общества и при этом складывались стихийно, независимо от воли и сознания людей, то в отличие от этих формаций социализм не складывается стихийно, а сознательно строится. Капитализм в процессе своего развития с исторической неизбежностью создает материальные, социально-экономические, политические и идейные предпосылки социализма, но он не создает готовых, сложившихся в его недрах, социалистических отношений. Для реализации возможностей победы социализма, для его построения требуется сознательная борьба и беззаветный труд миллионов, руководимых коммунистической партией трудящихся.

Никогда еще победа нового общественного строя не требовала такого высокого уровня сознания, напряжения воли и организованности, какие необходимы для победы социализма. Соответственно никогда еще утверждение нового базиса не нуждалось в таком действенном содействии своей надстройки, в революционно-действенной идеологии, в спаянной, монолитной политической партии, в могущественном государстве, какие необходимы для утверждения социалистического строя.

Чтобы оттенить это положение, отметим, что возникновение и развитие капитализма носило в основном стихийный характер. Никто не разрабатывал планов строительства капиталистического общества; оно самоотеком складывалось в недрах феодализма. Ленин писал, что организация нового буржуазного порядка происходит сравнительно легко, ибо

«...основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный».¹

Одно уже это обстоятельство не могло не снизить роль субъективного фактора в возникновении капиталистического строя, роль капиталистической надстройки в оформлении и утверждении своего базиса. Достаточно вспомнить, что даже накануне Французской буржуазной революции 1789—1794 гг. идущая к власти буржуазия, хотя и была вооружена передовыми, антифеодальными идеями и теориями, но эти идеи и теории не давали и не могли дать научного, материалистического объяснения исторического процесса. Точно так же, даже в период самой революции буржуазия не имела и не могла иметь единой политической партии, возглавляющей свержение феодального режима, и была вынуждена ограничиться политическими клубами, которые в лучшем случае могут рассматриваться как зародыши политических партий. Известно также, что капиталистический базис возник в лоне феодального общества до возникновения буржуазного государства, которое, следовательно, не могло принять никакого участия в складывании буржуазных отношений.

Достаточно противопоставить этому великую роль коммунистической партии, Советского государства, роль марксистско-ленинской теории, советской науки, литературы, искусства в строительстве социалистического общества, чтобы со всей отчетливостью обнаружился характер социалистической надстройки как величайшей активной силы.

Социалистическая надстройка коренным образом отличается от всех надстроек предыдущих частно-собственнических формаций тем, что со дня своего возникновения и на всем протяжении своего существования она правильно отражает объективный ход развития действительности и содействует реализации объективных тенденций исторического развития. В этом нужно искать причину несокрушимой мощи социалистической надстройки, ее огромной революционизирующей и преобразующей роли. Вспомним, что всецелое учение Маркса, Ленин объяснял его истинностью.

В противоположность социалистической надстройке буржуазная надстройка не могла быть и не была прогрессивным фактором на всем протяжении своего существования. За исключением того периода, когда она была нацелена против разложившегося феодального базиса и его надстройки и содействовала утверждению исторически более прогрессивного способа производства, капиталистическая надстройка играла и в особенности в эпоху империализма играет в высшей степени реакционную, человеконенавистническую роль. И действительно, в период, когда сам капиталистический базис стал реакционным явлением, когда он отжил свой век и в предсмертном своем бесновании желает растоптать все прогрессивное и жизнеутверждающее, капиталистическая надстройка: буржуазное государство, буржуазные партии,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 210.

смердящие современные буржуазные философские, этические, эстетические учения, литература и искусство пытаются бесчеловечным насилием и обманом увековечить существование буржуазного экономического строя, повести миллионные массы против кровных интересов самих этих масс. Это обстоятельство не может не предопределить неизбежную обреченность капиталистической надстройки и защищаемого ею базиса, не может не предопределить ее растущее бессилие и неизбежность ее полного разгрома.

Мы отметили выше относительно слабую роль капиталистической надстройки в период возникновения ее базиса. Но в дальнейшем, по мере углубления и усиления непримиримых антагонистических противоречий буржуазного экономического строя, с ростом и укреплением революционных сил, которые призваны историей сокрушить строй капиталистического рабства, буржуазная надстройка с лихорадочной энергией и активностью стремится отстоять и увековечить свой базис. Не видеть этого—значит недооценивать силы нашего врага, оставлять в тени подрывные усилия империалистических клик, стремящихся выйти из кризиса с помощью фашистской расправы с угнетенными трудящимися массами, с помощью кровавых, захватнических войн.

Но такова диалектика жизни, что не всякая политическая и прочая активность способна привести к укреплению того дела, во имя которого она применяется.

Активное, действительное осуществление тех или иных экономических, политических и идеологических мероприятий только тогда приводит к успеху, когда оно не противоречит объективному ходу исторического процесса, закономерностям его развития. В противном случае оно не может не завершиться провалом и не ускорить этот провал. Самая большая активность в деле достижения невозможной, реакционно-утопической цели может дать лишь временный эффект, временные, преходящие успехи. Активность, которая направлена против объективных тенденций общественного развития, в конечном счете лишь ускоряет гибель обреченного социально-политического организма, прибегающего к активности подобного рода. Иллюстрацией к сказанному может послужить бешеная активность буржуазной надстройки в эпоху империализма. Возьмем для примера опыт фашистского государства, фашистских партий и фашистской идеологии в Германии и Италии. Здесь активность буржуазной надстройки достигла своего апогея. Голым, кровавым насилием, применявшимся с дьявольской энергией, буржуазная надстройка пыталась укрепить капиталистический базис, преодолеть непреодолимые его противоречия, сделать его неуязвимым и непоколебимым. Каковы были результаты этой активности, известно всему миру. Она не только ускорила падение фашистского режима в названных странах, но в результате этого падения ослабила всю цепь мирового империализма.

Отличительной особенностью всех сходящих с исторической арены реакционных классов является полная утрата ими способности ясно и трезво оценивать положение вещей, понять логику их развития, отличить

свои классово-субъективные вожеления от реальных возможностей. По истине, как говорит народная поговорка, кого бог обрекает на гибель, того он лишает разума.

Позорное падение гитлеризма в результате сокрушительных ударов, нанесенных ему Советской Армией, конечно, не могло научить уму и разуму наследников практики и «теории» германского фашизма—американо-английских империалистов. Им кажется, что судьба будет более милосердна к ним в деле осуществления их безумных и преступных планов. Такова уже природа реакционной надстройки, что до последней минуты своего существования она с нарастающей активностью защищает свой базис, как бы этот базис не разлагался и не смердил. И чем больше она усердствует, тем вернее приближает его гибель, ибо активность в деле утверждения обреченного дела, насилие, применяемое для осуществления неосуществимого, развязывает и укрепляет в конечном счете прогрессивные общественные силы, удесятерять их всепобуждающую активность.

Мы видим как в наши дни буржуазная надстройка всеми доступными ей средствами стремится подавить и разложить рабочее движение, расправиться с национально-освободительной борьбой колониальных и зависимых народов, ввергнуть мир в пучину кровавого хаоса. Но чего она достигает в результате? Неуклонного роста рабочего движения во всех капиталистических странах, героической и успешной борьбы угнетенных национальностей против своих американо-английских и прочих империалистических поработителей, могущественного взлета движения за мир во всем мире. И чем больше передовые силы человечества будут напрягать свои силы в борьбе за мир, за демократию и за социализм, тем быстрее разбойничья активность буржуазной надстройки будет ускорять гибель всей капиталистической системы.

Мы видим, таким образом, что всякая надстройка является активной силой, но эта активность и ее результаты в деле укрепления базиса различны.

Если активность буржуазной надстройки в эпоху империализма ускоряет смерть своего базиса, то совершенно иными являются результаты активности социалистической надстройки. Поступательный рост активности социалистической надстройки является непременным условием развития и укрепления социалистического базиса. В свою очередь успехи социалистического базиса являются исходной основой дальнейшего роста и укрепления социалистической надстройки. Таково гармоническое единство между социалистическим базисом и социалистической надстройкой, непрерывный процесс их взаимного укрепления.

Заканчивая наш доклад, мы должны отметить, что определение сущности надстройки, данное товарищем Сталиным, служит философским обоснованием необходимости дальнейшего укрепления всей социалистической надстройки и в первую очередь нашей великой партии и Советского государства, которые являются решающими и ведущими факторами в победе социалистического базиса, решающими факторами в организации и направлении творческой активности многомиллионных

масс советского народа, решающими факторами для осуществления перехода от социализма к коммунизму.

Учение товарища Сталина о надстройке наносит новый уничтожающий удар по лживым вымыслам врагов марксизма и в особенности правых социалистов о якобы надклассовом характере буржуазного государства, буржуазных партий, буржуазной политики и идеологии. Оно помогает многомиллионным трудящимся массам капиталистических стран распознать в лице капиталистической надстройки, в лице буржуазного государства, буржуазных партий, буржуазной политики и идеологии своих смертельных врагов, факторов, стремящихся увековечить капиталистическое рабство, растоптать подлинную демократию, разжечь кровавые империалистические войны, развеять мечту многомиллионных поработанных империализмом масс о торжестве коммунизма.

Учение товарища Сталина о служебной роли надстройки помогает нам глубже осознать исторический смысл решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Оно теоретически вооружает наши кадры в их борьбе против буржуазного объективизма, аполитизма и беспартийности, против всех форм проявления примиренческого отношения к буржуазной идеологии, к буржуазным концепциям, к остаткам разбитой в нашей стране буржуазной надстройки—к пережиткам капитализма в сознании людей. Оно предостерегает нас от идеализации прошлого, от идеализации старых надстроек, от попыток некритического унаследования ее элементов.

Провал наших доморощенных морганистов-менделистов, сторонников антимарксистского учения Марра, эстетствующих формалистов, космополитов и других обусловлен попыткой перенесения в нашу надстройку, в нашу науку, в нашу культуру концепций, рожденных классовыми интересами буржуазии и призванных обслуживать капиталистический базис.

Указание товарища Сталина о том, что надстройка теряет свое качество и перестает ею быть, как только она от позиций активной защиты своего базиса переходит на позицию безразличного отношения к нему, обязывает нашу науку, литературу, искусство продолжать крепить свои связи с социалистическим базисом, служить ему, укреплять его, вести непримиримую борьбу против буржуазного базиса и буржуазной надстройки.

Блестящая постановка и решение самых сложных проблем языкознания в труде товарища Сталина являются новым триумфом творческого марксизма. Это еще раз свидетельствует о том, что без самого глубокого знания марксизма, марксистской философии, без умения их творчески применить невозможно успешно творить ни в одной области практики и теории, невозможно достичь цели, которая составляет сокровенный идеал каждого из нас, является смыслом и высшей целью нашего существования, нашей борьбы—коммунизма.

«Марксизм,—указывает товарищ Сталин,—есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуа-

труемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества».¹

В совершенстве овладеть этой наукой, до конца использовать ее неисчерпаемые революционно-научные возможности в нашей борьбе за утверждение коммунизма,—таков призыв, с которым обращаются к нам партия, наш великий учитель.

Но овладеть марксизмом не значит заучить его отдельные формулы и выгоды. В новом своем труде товарищ Сталин показывает, к чему приводят догматическое, талмудистское отношение к марксизму, превращение его в совокупность неизменных догм, оторванных от практики, от живой, бурлящей, вечно развивающейся жизни, от новых задач, которые рождаются ею.

Товарищ Сталин с порога отверг всякие попытки установления аракчеевского режима в науке, всякие попытки подавления честной, принципиальной большевистской критики и самокритики в науке. Его вещные слова о том, что «...никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»² являются путеводным указанием, неукоснительное выполнение которого приведет людей нашей науки к новым радующим достижениям.

Появление труда товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» явилось новым огромным стимулом подъема советской науки. Это прекрасное творение учит нас смело, творчески, с исчерпывающим знанием дела, с позиций творческого марксизма ставить и решать научные проблемы. Оно является живым призывом к революционной, патристической страстности в науке. Оно принадлежит к произведениям той науки, которая с любовью приносит свои плоды своему великому народу-новатору, народу-творцу.

Произведение товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», приумножает силы советского народа. Руководимый партией большевиков советский народ идет в авангарде человечества и одним своим существованием приводит в содрогание современных рабовладельцев и поджигателей войны, своим героическим трудом срывает их разбойничьи планы и вдохновляет на борьбу миллионные массы людей труда и доброй воли.

При чтении и перечитывании работы «Марксизм и вопросы языкознания» нас охватывает единое волнующее и вдохновляющее чувство: быть верным ее творческому духу, работать так, как этому учит нас великий корифей передовой, революционной науки товарищ Сталин.

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 48.

² Там же, стр. 26.